
ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ

УДК 821.133.1.0

DOI: 10.31249/litzhur/2022.56.04

К.В. Душенко

НИКОЛА ШОВЕН, ЛЕГЕНДАРНЫЙ ПАТРОН ШОВИНИЗМА¹

Аннотация. На протяжении чуть ли не всего XIX в. во Франции создавался культурный текст (метатекст), в котором образу Шовена принадлежала главная роль. В качестве центрального символа шовинизма образ Шовена появился в 1830-е годы в результате контаминации двух образов: фарсового новобранца эпохи Реставрации по имени Шовен и наполеоновского ветерана (гроньяра), выступавшего под разными именами. Апология солдатского братства, пафос колониальных завоеваний и либерально окрашенный патриотизм сливаются воедино. Возвышению образа Шовена сопутствует критика этого образа как воплощения грубой военици. В эссе Жака Араго «Шовинизм» (1845) образ Шовена канонизирован как универсальный тип человека, который «поклоняется одному богу... *своей родине!*» Двойственность фарсового Шовена-новобранца и старого Шовена-гроньяра сохранялась еще очень долго, но образ новобранца все более отходил на второй план. Авторитарная и воинственная идеология Второй империи в огромной мере способствовала дискредитации образа Шовена в демократических и либеральных кругах.

Ключевые слова: культурные символы; наполеоновская легенда; гроньяр; Н.Т. Шарле; Ш.Э. Лепентр; Ж. Араго; Гюстав Надо; А. Доде.

Получено: 02.02.2022

Принято к печати: 10.03.2022

Информация об авторе: *Душенко* Константин Васильевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт научной

¹ Автор выражает благодарность Вере Аркадьевне Мильчиной, ряд замечаний которой был учтен при работе над этой статьей.

информации по общественным наукам РАН, Нахимовский пр-т, 51/21, 117418, Москва, Россия. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-7708-1505>

E-mail: kdushenko@nlm.ru

Для цитирования: Душенко К.В. Никола Шовен, легендарный патрон шовинизма // Литературоведческий журнал. 2022. № 2(56). С. 52–77. DOI: 10.31249/litzhur/2022.56.04

Konstantin V. Dushenko

NICOLAS CHAUVIN, A LEGENDARY PATRON OF CHAUVINISM

Abstract. Throughout almost the entire 19th century, a cultural text (metatext) was created in France, in which the image of Chauvin played a central role. As a central symbol of chauvinism, the image of Chauvin appeared in the 1830s as a result of the contamination of two images: a farcical recruit of the Restoration named Chauvin and a Napoleonic veteran (grognard) who performed under different names. An apology for the warriors' *loyalty*, the pathos of colonial conquests and liberally tinged patriotism merge into one. The rise of the image of Chauvin is accompanied by a criticism of this image as the embodiment of a rude military. In Jacques Arago's essay "Chauvinism" (1845), the image of Chauvin was canonized as a universal type of person who "worships one god... *his homeland!*" The duality of the image of the farcical Chauvin the recruit and the old Chauvin the Grognard persisted for a very long time, but the first image more and more faded into the background. The authoritarian and militant ideology of the Second Empire greatly contributed to the discrediting of the image of Chauvin in *démocratie et libéral* circles.

Keywords: literary images; cultural symbols; Napoleonic legend; grognard; N.-T. Charlet; C.-E. Lepeintre; J. Arago; G. Nadeau; A. Daudet.

Received: 02.02.2022

Accepted: 10.03.2022

Information about the author: *Konstantin V. Dushenko*, PhD in History, Senior Researcher, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Nahimovsky Prospekt, 51/21, 117418, Moscow, Russia. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-7708-1505>

E-mail: kdushenko@nlm.ru

For citation: Dushenko, K.V. "Nicolas Chauvin, a Legendary Patron of Chauvinism". *Literaturovedcheskii zhurnal*, no. 2(56), 2022, pp. 52–77. DOI: 10.31249/litzhur/2022.56.04

Слово «шовинизм» (*фр.* chauvinisme) образовано от имени Шовен (Chauvin). Шовен – прежде всего литературный образ, причем литературный в самом широком смысле: в его создании участвовали поэты-песенники, водевилисты, писатели, критики, эссеисты, а также авторы популярных литографий, в которых литературный элемент представлен надписями. На протяжении чуть ли не всего XIX в. создавался культурный текст (метатекст), в котором образу Шовена принадлежала центральная роль и который можно было бы назвать «Шовенианой». При этом некоторые произведения включались в «Шовениану» задним числом, по ассоциации с уже сложившимся представлением о Шовене.

Формированию этого образа посвящена 1-я часть монографии Жерара де Пюимежа «Шовен, солдат-землепашец» (1993) [46]. В России она издана в превосходном переводе Веры Мильчиной [4]. Наше внимание будет обращено на моменты, либо оставшиеся вне рассмотрения французского исследователя, либо те, о которых, как нам представляется, сказано недостаточно. В частности, мы намерены подчеркнуть главенствующую роль образа наполеоновского ветерана (гроньяра) в создании Шовена как культурного типа.

* * *

Шовен как центральный символ шовинизма появился в 1830-е годы в результате контаминации двух образов: фарсового новобранца эпохи Реставрации по имени Шовен и наполеоновского ветерана (гроньяра), выступавшего под разными именами.

Слово *grognard* (ворчун) получило второе значение в эпоху Реставрации. Согласно словарю Ларусса 1872 г., это «старый отставной солдат, лишенный своих товарищей, своего знамени, своих привычек, ведущий штатскую жизнь; любит браниться, ворчлив; отсюда вполне оправданное наименование ворчуна, как его окрестили. <...> Где гроньяры торжествовали, так это в Олимпийском цирке, в Варьете, во всех театрах» [32, р. 291].

В восстановленной монархии Бурбонов Наполеон был объявлен узурпатором и тираном. Однако «сюжеты, напоминавшие об армиях и подвигах Империи, повсюду пользовались полной свободой», хотя и с изъятием трехцветных кокард и знамен. «Старые

гренадеры, старые гусары, старые кирасиры, старые генералы, старые полковники, старые капитаны, старые сержанты, старые капралы, храбрецы всех родов войск и всех рангов заполнили второстепенные сцены. <...> Рифмы français и succès (французский, успех), gloire и victoire (слава, победа), guerriers и lauriers (воины, лавры), вставляемые к месту и не к месту, срывали аплодисменты партера» [41, р. 126, 129]. Образ гроньяра популяризировали, в частности, гравюры Никола Туссена Шарле (1792–1845) и песни Беранже.

Слово ‘гроньяр’ получило права гражданства в русской печати XIX в., как в прямом значении ‘ворчун’, так и в значении ‘ветеран наполеоновской армии / гвардии’. Частичным аналогом образа гроньяра можно считать образ солдата-ветерана («дяди») в лермонтовском «Бородино». Это сходство будет заметнее, если вспомнить, что в «ворчании» дяди («Богатыри – не вы!») нередко усматривали аллюзию на уход с исторической сцены поколения декабристов. «Гроньяр» – один из основных псевдонимов Н.К. Михайловского; можно предположить, что идеолог революционного народничества имел в виду оба значения слова.

Шовен-новобранец появляется в литературе в нескольких песнях, опубликованных от его лица в 1825 г. [44]. Сами песни написаны, по всей вероятности, раньше, так как уже в 1824 г. строка одной из них стала названием гравюры Шарле². Все «песни Шовена» выдержаны в фарсовом тоне; их персонаж – деревенский парень, занятый не славой отечества, а любовными похождениями самого грубого толка.

Содержательный анализ песенного образа Шовена дан в монографии де Пюимежа. Вопрос об авторстве песен де Пюимеж оставляет открытым, но допускает, что они принадлежат братьям Куаньярам, сочинителям водевиля «Трехцветная кокарда» (1831), где есть прямые отсылки к «песням Шовена» [4, с. 54]. Между тем в справочнике по крылатым словам Роже Александра автором песен – а значит, и создателем образа Шовена-новобранца, – назван Альфонс Аллар (A. Allart, 1788–1852), «чье остроумие не-

²Гравюра *Je mé pas assez méfié de la payse* («Я недостаточно остерегался этой девицы») указана в журн. Bibliographie de la France от 4 сентября 1824 г. Упоминаемая далее гравюра с именем Шовена («Я француз, ты француз...») – в номере от 14 августа 1824 г.

когда высоко ценилось в парижских салонах» [5, р. 67]. Это сообщение заслуживает доверия: Роже Александр был внуком Аллара. В качестве литератора Аллар практически неизвестен; известно, однако, что он был дружен с Проспером Мериме, который подарил ему рукопись своей новеллы «Венера Илльская» (1837) [6, р. 15]. Можно поэтому предположить, что «стихи Шовена» поначалу были салонной забавой, литературной игрой.

Эпизоды из жизни новобранца послужили темой ряда гравюр Шарле, хотя лишь на немногих из них встречается имя Шовен. По мнению исследователя конца XIX в., на гравюрах «Шовен не обладает ни одной из черт, составивших нынешний тип» [23, р. 86]. Однако фарсовые черты персонажа Шарле вполне уживаются с темой воинской инициации парня из народа – одного из ключевых мотивов «Шовенианы». Шовен-новобранец «являет собой пародию на гроньяра, он хочет быть таким же храбрецом, каким был тот, <...> и комизм его усилий в этом направлении остался запечатленным в слове *шовинизм*» [39, р. 99].

Особое значение для последующей истории образа имела гравюра Шарле 1824 г. из серии «Фантазии». Двое молодых солдат готовы драться на шпагах; гренадер-ветеран, разнимая их, замечает: «Я француз, ты француз, он француз – все мы французы, Шовен; дело можно уладить» [23, р. 86]. Так возникает тема национального единения, стоящего выше внутренних неурядиц, причем залогом этого единения служит солдатское братство.

С середины 1830-х годов имя Шовена стали возводить к одноактному водевилю «Босские жнецы, или Солдат-землепашец» (1821) [24]: так будто бы звался главный персонаж пьесы. Эта версия была принята в словаре Л.Н. Бешереля (1845) и однотомном словаре Ларусса (1863) [14, р. 618; 33, р. 97], а затем – во множестве французских и иноязычных справочников, включая знаменитый немецкий справочник Г. Бюхмана «Крылатые слова». В России она воспроизведена в «Метких и ходячих словах» М.Я. Михельсона (1894) и в энциклопедии Брокгауза и Ефрона.

Тип солдата-землепашца восходит к Античности и «существовал во все времена» [23, р. 84], но его узнаваемый образ был создан лишь во Франции эпохи Реставрации. В романе начала 1850-х годов описывается обстановка комнаты одного из персонажей: «...На стене несколько цветных литографий: “Солдат-земле-

пашец”, “Смерть генерала Понятовского” (генерал на белом коне) и прочие воинственные сюжеты. Шовинизм под стеклом в раме из вишневого дерева! Нет ли по соседству гроньяра из старой гвардии?...» [15, р. 7].

«Солдат-землепашец», поставленный в театре Варьете 1 сентября 1821 г., выдержал более 300 представлений «и несколько лет утешал старых усачей, переживших падение империи» [35, р. 106]. Позднее он устойчиво, хотя и ошибочно, приписывался популярному комедиографу Эжену Скрибу.

Герой водевиля, наполеоновский ветеран, носит имя Франкёр (Francœur). При этом на гравюре, изображающей Ш.Э. Лепентра (Лепентра-старшего) в роли солдата-землепашца, имя персонажа пишется Франс-соеуг (искреннее / честное сердце), т.е. осмыслено как говорящее имя. В деревне Франкёр возделывает свою землю и предается воспоминаниям о славном боевом прошлом. Его бывший командир, полковник, также вспоминает о временах, когда

...Одной только доблестью
Солдаты делались генералами,
А иные и маршалами Франции [цит. по: 41, р. 134].

Лепентр-старший, указывал историк и журналист Огюстен Жаль в 1834 г., создал образ «сентиментального, политизированного, оппозиционного солдата, гроньяра, *Шовена* с шевронами и крестом Почетного легиона; <...> это заставляло нас смеяться и плакать <...>» [28, р. 301].

Еще одним заметным примером включения в «Шовениану» текста, возникшего прежде появления образа Шовена, служит строка «Я француз, моя страна превыше всего!» (Je suis Français, mon pays avant tout!). Это название и рефрен песни, опубликованной в 1821 г. [45, р. 169–171]. Первоначальный смысл рефрена состоял в том, что для *француза* предпочтительно все французское (в России такое исключительное предпочтение всего отечественного уничижительно именовали русопатством).

Позднее эта строка стала сопрягаться с именем Шовена как олицетворением агрессивного национализма и национальной нетерпимости: «Я Шовен, / <...> я кричу в опьянении: / “Я француз,

моя страна превыше всего!») (ревью А. Жене и Ш. Потье «Вперед, марш!», 1857) [26, р. 7].

В рецензии на сборник корреспонденций периода Крымской войны читаем:

«Он может сказать, как поется в какой-то там песне какогонибудь Шовена:

Я француз, моя страна превыше всего!

И все, что не является французским, трехцветным и национальным, кажется ему достойным всяческого сарказма. Он высмеивает <...> турок, греков, <...> русских, англичан, пашей, беев, армян, евреев, короля Оттона³, императора России и самого султана. Но стоит ему увидеть француза, стоит ему увидеть зуава или венсенского егеря, и он уже растроган, взволнован, возглашает осанну и пригоршнями бросает короны на алтарь своего отечества» [49, р. 459].

* * *

Авторы, писавшие о Шовене, не упоминают о пьесах эпохи Реставрации, в которых имя Шовена впервые прозвучало с театральных подмостков. Нам известны две такие пьесы. В заглавии водевиля «Пригожие солдаты» (1826) указывалось: «по мотивам Шарле» (*imité de Charlet*) [25]. Здесь Шовен почти незаметен. Интрига водевиля чисто любовная, действие происходит в Париже, и Шовен явно не деревенский парень. Кроме имени, в нем нет ничего от героя «песен Шовена».

Гораздо больший интерес представляет одноактная мелодрама «Полковой пес, или Военная казнь», поставленная в Театре Олимпийского цирка 9 февраля 1825 г. Здесь мы уже видим Шовена в военной обстановке. Действие происходит в 1823 г. в Испании, где французские войска сражаются против инсургентов, т.е. против испанской революции. Юный Шовен помогает по кухне, а кроме того, исполняет вставленные в мелодраму музыкальные номера, в том числе «Песню новобранца», весьма напоминающую

³ Оттон I (1815–1867), первый король Греции.

«солдатские песни», сочинявшиеся в ту же эпоху в России в духе монархического патриотизма:

Когда твой король зовет на битву,
Без размышлений, быстро поспеши;
Всегда храни верность своему знамени
И девизу: ПОБЕДИТЬ ИЛИ УМЕРЕТЬ [48, р. 7].

Знамя, о котором идет речь, пока еще не трехцветное знамя Революции и Империи, а белый стяг Бурбонов. Шовен не задумывается о том, какому делу он служит, лишь бы ощущать себя частицей единого высшего целого. Только в эпоху Июльской монархии Шовен становится образом, противостоящим идеологии Реставрации.

14 июня 1830 г. французские войска высадились в Алжире, положив начало долгой колониальной войне, а 30 июля в Париже победила революция. Откликом на оба эти события стал трехактный водевиль «Трехцветная кокарда, эпизод из Алжирской войны», поставленный 19 марта 1831 г. в парижском театре «Фоли драматик».

Поначалу новобранец Шовен неотличим от гротескного персонажа «песен Шовена». Даже его подвиги окрашены в фарсовые тона. Его заветная мечта – после победы над «черномазыми маврами» (*morigauds*) ворваться в сераль и «заключить в объятия всех султанш» [19, р. 11]. Есть тут и гроньяр, старый солдат-пьяница по прозвищу Кокарда, сердце которого «всегда будет биться во имя Наполеона» [19, р. 21]. Свое прозвище он получил после Битвы у пирамид, когда Наполеон отдал ему свою кокарду вместо потерянной в бою. «Это цвета нашей родины», – замечает восхищенный Шовен, приобщаясь тем самым к патриотизму, как его понимали в эпоху Империи [19, р. 22].

Кокарду приговаривают к расстрелу как опасного смутьяна, но тут приходит известие о победе Июльской революции. Белое знамя сменяется триколором, и Шовен уже готов воевать с целым светом – пруссаками, австрияками, казаками – за свободу и независимость Франции, а попутно и Польши. Апология солдатского братства, пафос колониальных завоеваний и либерально окрашенный патриотизм сливаются воедино.

Возвышению образа Шовена сопутствует критика этого образа как воплощения грубой военщины. В 1834 г. увидела свет «Нравственная песня» Жюстена Кабасоля. Эпиграфом к ней поставлены слова «Мораль мне докучает», с подписью: «Шовен». Перед нами едкая сатира в стихах и прозе:

«Ты француз, буржуа тоже француз, но дело нельзя уладить⁴, ведь он, понятно, штафирка, а ты солдат. Ты стреляешь в него морковью – отлично, имеешь право, лишь бы не стрелял чем похуже...

Ты видишь, Шовен, как нужна мораль!»

«Ты <...> можешь донимать первогодков, но со старшими

Ты видишь, Шовен, как нужна мораль!» [17]

Военный публицист Йоахим Амбер, участник Алжирской войны, перечисляет клеветы, возводимые на Шовена как олицетворение армии: «Шовен в тюрьме, пойман и осужден за безнравственность. <...> Шовен напился и избил двух почтенных буржуа, своих сограждан». «Ты идешь по бульварам и на каждом шагу останавливаешься перед гнусными карикатурами на армию: <...> вот Дюмане⁵ в Алжире, удирающий от крокодила; <...> капрал Шовен теряет кошелек и носовой платок, замечтавшись о свадьбе за счет принцессы...» [8, p. 140, 142].

* * *

Во французских справочниках слово ‘шовинизм’ датируется 1834 г.⁶ Однако уже летом 1832 г. – всего через полтора года после премьеры «Трехцветной кокарды» – оно встречается в легитимистском сатирическом еженедельнике *Le Revenant* («Призрак») [47, p. 2].

⁴ Саркастическая отсылка к надписи на упомянутой выше гравюре Шарле 1824 г.

⁵ Имя персонажа «Трехцветной кокарды», ставшее нарицательным в значении ‘потешный вояка’, ‘фанфарон’.

⁶ Де Пюимеж связывает его с водевилем «Ось» (1840) [4, с. 65].

В момент появления слова оно должно было ассоциироваться прежде всего с Шовеном-новобранцем из водевиля 1831 г. Но очень скоро возникает более почтенная ассоциация с образом гроньяра, включая такую его ипостась, как солдат-землепашец из водевиля 1821 г.: «Возможно, вы помните всех *старых храбрецов*, изображенных в романах Виктора Дюканжа⁷. Конечно, ни один писатель столько не послужил *шовинизму*» [36, р. 94].

Этьен Араго⁸ в статье «Республика и артисты» (1834) напоминал, что в эпоху Реставрации «национальное чувство возродилось в рабочем классе <...> в духе недоверия к старому дворянству. <...> *Луарские разбойники*⁹ стали в наших театрах *солдатами-землепашцами*. Художники тоже творили чудеса, украшая бульвары и набережные грубоватым героизмом нашего старого гроньяра. То был памфлет, набросанный карандашом. <...> Невозможно, чтобы в этой наиболее чувствительной части нации никак не проявилась политическая вражда, словом, тот *шовинизм*, который уже пытались опорочить доктринеры» [9, р. 170].

В 1839 г. сотрудник католического журнала писал по поводу трагедии Казимира Делавиня «Дочь Сида»:

«...Не уместнее ли назвать эту бой-бабу, смахивающую на гренадера, дочью Солдата-землепашца <...>? И тогда <...> остается только спеть хором:

Ах! Что за гордость быть французом
При виде [Вандомской] Колонны!

...Увы! с нас хватит имперского шовинизма» [38, р. 410].

Прочитированное двустишие взято из необычайно популярной песни Поля Эмиля Дебро «Колонна» (1818). То же двустишие стало темой гравюры Каролины Ноде (1819): офицер указывает на

⁷ В. Дюканж (1783–1833), необычайно плодовитый романист и драматург, критик режима Реставрации.

⁸ Э. Араго (1802–1892), драматург, в 1829–1840 гг. директор театра «Водевиль», радикальный республиканец, сражался на баррикадах в июле 1830 и феврале 1848 г.

⁹ Уничжительное наименование остатков наполеоновской армии, которые после разгрома при Ватерлоо отошли на Луару.

Вандомскую колонну мальчику, одетому в военную форму; другой указывает на колонну офицеру, держащему белое знамя Бурбонов.

«Шовинизм, эта пародия на патриотизм, не выдуман, – писал позднейший автор. – <...> Солдат-землепашец, имел некоторую притягательность запретного плода в театре. <...> Аплодировать гренадеру гвардии был их [противников Бурбонов] способ выразить свою оппозиционность» [18, р. 70].

* * *

В аллегорическом водевиле Ж. Баяра и Ф. Дюмануара «Осы» (1840) Шовен выступает в двух обликах. Сперва это старый солдат-пьяница, ветеран наполеоновской гвардии; в сущности, перед нами Кокарда из водевиля 1831 г., переименованный в Шовена. О себе он говорит: «Французский солдат, родом из неизвестных землепашцев», – явная аллюзия на образ солдата-землепашца [12, р. 11]. У Шовена есть внук, «малыш Шовен»; он воспитан на бюллетенях Великой армии и уже успел отличиться на Алжирской войне.

Шовена встречают насмешками; ему говорят: «Шовинизм отжил свой век». Однако в минуту опасности старик преображается в молодого гренадера, восклицающего: «Все тот же я! Я навсегда Шовен!» [там же]. Старик-гроньяр и Шовен-новобранец оказываются единым целым. Теперь это «вечный» наполеоновский солдат, всегда готовый сражаться за Францию и свободу. В Июльской монархии имя Наполеона вполне могло сочетаться с идеей свободы; недаром Вандомская колонна, увенчанная статуей императора, именуется в «Осах» «колонной победы и колонной свободы» [12, р. 13].

Двойственность фарсового Шовена-новобранца и старого Шовена-гроньяра сохранялась еще очень долго, но образ новобранца все более отходил на второй план. «Шовен <...> это прежде всего тип старого гроньяра» [22, р. 324].

В 1845 г. увидел свет один из центральных текстов «Шовенианы» – эссе Жака Араго «Шовинизм», помещенное в «Словаре для беседы и чтения». Ж. Араго (1790–1855) был братом знаменитого физика Франсуа Араго и драматурга Этьена Араго, который одним из первых использовал слово ‘шовинизм’ (см. выше).

В «Словаре для беседы...» Шовен канонизирован как универсальный тип. Араго ясно видит его ограниченность и комичность, но тем не менее симпатизирует ему как выразителю искреннего чувства любви к родине:

«Тут есть что-то от фарса и драмы одновременно; драмы – потому что она напоминает о благородных чувствах тех, кто мыслит патриотически. <...> У нас насмешка убивает гораздо верней, чем презрение. На свете нет меча беспощаднее, потому что насмешка – оружие мысли и разума. Шовинизм – это преувеличение некоего чувства. <...> Перо и карандаш с яростью набросились на него. Я видел Шовена на всех выставках в Лувре, и тупоумная толпа смеялась над ним... <...>

Бедный Шовен! Шовен был солдатом императорской гвардии... <...> Он поклялся умереть за своего генерала и свое отечество... Итак, прозвучало это громкое слово, и я становлюсь почти шовинистом, рассказывая вам о Шовене. <...> Мой Шовен, мой личный Шовен, Шовен исторический, Шовен как прообраз всех нынешних и будущих шовенов – не только реальное, но и множественное существо; он тут и там, он всюду, где требуется самопожертвование, и я призываю вас назвать полк, батальон, роту, да что там – взвод, в котором не было бы своего Шовена.

Едва лишь родившись, вернее, едва лишь почувствовав сердце в груди, Шовен поклялся себе жить только в обстановке воодушевления. Ружье было для него величественным изобретением, ядро представлялось ему творением высшего разума, и если бы он создал религию, то воздвиг бы алтари изобретателю бомбы. Если капрал велел наступать, Шовен всегда шел в нескольких шагах впереди своего взвода; услышав приказ не давать пощады, Шовен яростно грыз свой патрон и с радостью грыз бы плоть поверженного врага. <...>

Однажды Шовен стоял под своим знаменем, в тени своего орла. Он представлялся себе просветленным, опаленным сиянием солнца. О, в тот день он увидел себя таким высоким, таким грандиозным, что не снял бы своей гренадерской шапки, чтобы не задеть звезд. С той минуты Шовен стал героем. Месяц спустя он стал жертвой. Он был уволен со службы, отправлен обратно домой. “Да здравствует Республика! Да здравствует Консульство! Да здравствует Империя! Да здравствует Реставрация!” Шовен

кричал бы все, что угодно, но не так, как мы с вами; любое его “Да здравствует” исходило бы от сердца. <...>

Когда родился Шовен? Неизвестно; анналы об этом умалчивают, не удивляет же нас молчание о родине Гомера, этого Шовена баснословных времен. Когда умрет Шовен? Никогда. <...> Шовен сражался на севере и на юге, против всех европейских народов, и если о чем сожалел в своей ратной жизни, так это о том, что не смог взобраться на небосвод, чтобы схватиться с жителями Луны.

Если вы теперь спросите, какой веры держался Шовен, я отвечу: ни один историк не упоминает об этом, и мы не узнаем, поклонялся ли он богу евреев, богу христиан, Магомету или же Вишну; но мы можем засвидетельствовать, что атеистом он, во всяком случае, не был – он поклонялся одному богу... *своей родине!* *Шовинизм* сделался смешным лишь по вине тех, кому не понять, что такое преданность. *Шовинизм* встречается во всех государствах, во все времена, во всех землях. *Шовены* существуют среди парикмахеров, бюрократов, печников, бакалейщиков, среди богатых и бедных; всюду, где есть соперничество, есть *шовинизм*, так что он, как видите, вечен.

Едва закончив этот очерк, мы получили точные сведения из военных архивов. Никола Шовен <...> родился в Рошфоре. С восемнадцати лет на службе, он совершил все походы. Семнадцать ран, ни одной в спину, три отнятых пальца, выбитое плечо, лоб в страшных шрамах, почетная сабля, красная ленточка [Почетного легиона], двести франков пенсии... <...> *Шовинизм* не мог иметь патрона, более благородного» [10].

В 1820-е годы Шовен обходился без личного имени. В «Трехцветной кокарде» его называют Жан или Жан-Жан. Это имя эпизодически встречалось и позже: «Жан Шовен <...> был одним из тех героических ворчунов (*ces héroïques grognards*), которые искренне верили, что один француз стоит четырех пруссаков» [27, p. 175].

У Араго Шовен получил имя Никола и вымышленную биографию ветерана Наполеоновских войн, принятую за истину во множестве позднейших словарей и справочников. В 1981 г. в Рошфоре, где будто бы родился Никола Шовен, одна из улиц была названа его именем.

В том же 1845 г. в словаре Л.Н. Бешереля появилась статья «Шовинизм», написанная независимо от статьи Ж. Араго¹⁰. Здесь говорилось: «Справедливо или ошибочно утверждали, что после роспуска Луарской армии в 1815 г. осталось немало уволенных со службы солдат по имени Шовен, которые, вернувшись к обычной жизни, отличались безграничным восхищением, слепой и тупой верой во все, что было связано с Наполеоном и что от него исходило» [14, р. 618].

Статьи Ж. Араго и Бешереля послужили главным источником для составителей позднейших справочников, как французских, так и иноязычных. Несколько штрихов к портрету Шовена добавил анонимный автор заметки «Отец Шовена», опубликованной в газете «Фигаро» в 1882 г.:

«Кажется, что этот Шовен, настоящий Шовен, существовал. Я знаю людей, которые знали его. <...> У него было выбито плечо (удар прикладом), оторваны три пальца (ружейный выстрел), лоб рассечен посередине (удар саблей). <...> Это не мешало ему повторять все снова и снова, что в мире нет ничего лучше и прекрасней войны, и нет ничего великого, кроме великого Наполеона. В армии рассказы Никола Шовена вошли в поговорку, и братья Коньяр [авторы “Трехцветной кокарды”], возможно, слышали об этой ходячей развалине <...>» [34, S. 394].

В словаре Ларчи (1855) Шовен – имя нарицательное, со значением «чрезмерно пылкий патриот» [30, р. 72]. В однотономном словаре Литтре (1863) Шовен – «имя персонажа популярных гравюр, который выказывает чувство слепого и узкого патриотизма по поводу успехов и неудач Наполеона I», а в качестве имени нарицательного – «тот, у кого преувеличены и смешны чувства патриота и воина» [37, р. 582]. В «Крылатых словах» немецкого филолога Г. Бюхмана Шовен – «до смешного восторженный поклонник Французской империи» [16, S. 60]. В более позднем французском словаре «Шовен» – «тот, кто отличается воинственным патриотизмом» [31, р. 245].

¹⁰ Согласно Бешерелю, «это слово опущено во всех словарях» [14].

* * *

В часто цитировавшейся песне Гюстава Надо (1820–1893) «Шовен» (1851¹¹) Шовен выведен в образе дряхлого спившегося гроньяра, повествующего молодежи о своих подвигах; его наивный патриотизм бонапартистского толка изображен с иронией и сочувствием.

Когда Шовен выпьет,
Он пускается в рассказы обо всех своих славных делах;
А заговорив о своей славе,
Он уже пьет не переставая. <...>

Он добавляет лишнее «р» в слове Фрранция
И произносит три «р» в слове свобода (liberrtté)!
К истории каждой войны
Он добавляет еще парочку битв... <...>

Шовен свалился под стол
С криком: «Он [Наполеон] не умер!»
<...> – Ну-ка, выпьем еще, Шовен;
Наутро жена тебя поколотит [42, р. 82–84].

В кукольном фарсе Марка Монье «Принцесса Данубия» («Принцесса Дунай», 1855) Шовен олицетворяет французскую армию, участвующую в Крымской войне. Это хвастун с претензией на галантность:

Господа, меня зовут Шовен,
И я, слово чести, красавец!
Я один обладаю умом, и талантом,
И вкусом, и вдобавок ужасно галантен [40, р. 41].

Мальбрук, олицетворение английской армии, думает о своей конторе, т.е. о материальных интересах, тогда как Шовен – только

¹¹ Де Пюимеж датирует песню 1860-ми годами. Она, однако, указана в *Bibliographie de la France* от 25 января 1851 г., т.е. появилась до бонапартистского переворота 2 декабря 1851 г.

о славе. Автор и зрители смеются над ним, но смех этот сочувственный. Как замечает принцесса Данубия, «в глубине души он [Шовен] хороший парень» [40, р. 73].

Фривольные песенки о Шовене цитируются и в 1860-е годы: «Меня зовут Шовен, / Мое имя рифмуется с вином... (Chauvin, du vin)»; далее в песне следует «один из тех моментов, которые добрый Гомер в смущении окутывает облаком» [21, р. 226].

В очерковой книге Жюля Норьяка «101-й пехотный полк» (1859) показан механизм превращения ограниченного деревенского парня во французского патриота, в чем автор как раз и усматривает великую роль Шовена как культурного образа:

«Однажды крестьянин получает бумагу: он солдат. <...> Полгода спустя вы видите, как он с гордостью прогуливается по Елисейским Полям, счастливый и довольный.

Что могло заставить его столь разительно перемениться? Цивилизованность? Нет. Дисциплина? Нет. Он гордится тем, что он француз; этой метаморфозой он обязан шовинизму.

Шовинизм <...>, эта возвышенная карикатура, – поднятое на смех дело человека по имени Шовен, человека глубокого, который знал, что человек заурядный не понимает великих чувств в их простоте. <...>

Шовинизм есть вечное повторение слов: “Отечество, слава, Франция, честь”» [43, р. 64–65].

Авторитарная и воинственная идеология Второй империи в огромной мере способствовала дискредитации образа Шовена в демократических кругах. Примером тому служит песня Поля Авенеля (1823–1902) «Шовен», опубликованная в 1870 г.

В заголовке песни указано: «На мотив “Старого знамени”». Песня Беранже под этим названием, написанная в 1820 г., – один из наиболее характерных текстов формировавшейся тогда наполеоновской легенды. Полковое трехцветное знамя, которое хранит у себя в тюфяке ветеран революционных и Наполеоновских войн, – одновременно символ свободы («Благодаря ему каждый солдат был гражданином») и символ военной славы наполеоновской империи, когда «галльский петух <...> умел метать молнии», а французское знамя «сияло над всей Европой» [13, р. 66–67].

В глазах Авенеля Шовен – орудие и в то же время жертва милитаризма.

«Не жалея солдат, –
 Сказал мне старик-гренадер. –
 Чти мою деревянную ногу <...>.
 Мне, шовену¹², дорога слава!»
 Как прекрасна война!
 Гудите, рожки! Бей, барабан!

.....
 «Бедный старик, ты просто задира,
 Отставной козы барабанщик.
 Твоя слава лишилась знамени,
 Таская его из боя в бой;
 А ты, чтоб утешить себя напоследок,
 Восхваляешь свои невзгоды».

.....
 Увы! шовинизм во Франции
 Заменяет все добродетели;
 Он не рождает Брутов,
 А только дурманит ум [11, р. 128–130].

Тем не менее в августе 1870 г., в начале Франко-прусской войны, Сен-Жермен¹³ с успехом исполнял в Париже «Сегодняшнюю песню» собственного сочинения с рефреном «Я шовен!» (Je suis chauvin!) [29, р. 20].

* * *

Последовавшая затем военная катастрофа похоронила бездумный ура-патриотизм, выраженный в лозунге «Я шовен!». В 1873 г. Альфонс Доде публикует новеллу «Смерть Шовена», своего рода реквием патрону шовинизма. Здесь, в отличие от прочих текстов «Шовенианы», Шовен не человек из народа и даже не военный, – это парижский буржуа, черпающий убеждения из газет. Глубокая борозда на его лбу прочерчена не вражеской саблей, а единственной владеющей им мыслью. И все же Доде искренне скорбит о его

¹² Слово ‘шовен’ со строчной с 1850-х годов использовалось как синоним слова ‘шовинист’.

¹³ Франсуа Жиль де Сен-Жермен (1833–1899), комический актер, известный под именем Сен-Жермен.

гибели. У нас эта новелла практически неизвестна¹⁴; мы приводим выдержки из нее в собственном переводе [20, р. 121–126].

«Высокое, худощавое, огненное лицо, волосы с проседью, загнутый нос, круглые, вечно сердитые глаза, <...>; низкий, узкий, упрямый лоб, на котором одна-единственная мысль, непрестанно действуя в одном месте, прочертила единственную, очень глубокую борозду <...>; и прежде всего ужасное раскатистое “pp”, когда он говорил о “Фрранции” и “фрранцузском знамени...” Я сказал себе: “Вот Шовен!”

Это действительно был Шовен, и притом в своем лучшем виде, декламирующий, жестикулирующий, бичующий Пруссию своей газетенкой, вступающий в Берлин с высоко поднятой тростью, опьяненный, глухой, ослепленный, исступленный безумец. Ни промедление, ни примирение невозможно. Война! ему нужна была война любой ценой!

– А если мы не готовы, Шовен?.. <...>

– Месье, фрранцузы всегда готовы!.. – возразил Шовен, выпрямляясь, и “pp” из-под его щетинистых усов заставляло дребезжать окна... Раздражающий, тупоголовый тип! Ну да, все эти насмешки, все песенки, успевшие одряхлеть вокруг его имени, – они-то и сделали из него нелепую знаменитость! <...>

В те вечера [после начала войны] я снова встретил Шовена. Он ходил по бульварам от одной кучки людей к другой, распевая посреди молчаливой толпы, полный надежд, сообщая хорошие новости, уверенный в успехе несмотря ни на что, двадцать раз кряду повторяя, что “белые кирасиры Бисмарка уничтожены до единого...”

Странное дело! Теперь Шовен не казался мне таким уж смешным. Я не поверил ни одному его слову и все равно был счастлив слышать его. При всем его ослеплении, безумной гордыне, невежестве, в этом одержимом чувствовалась живая и стойкая сила, подобная пламени, согревавшему изнутри наши сердца.

Это пламя было нам крайне необходимо в долгие месяцы осады и ужасной зимы – зимы собачьего хлеба и конины. Все парижане скажут: без Шовена Париж не продержался бы и не-

¹⁴ Анонимный перевод, опубликованный в разгар Первой мировой войны [1], содержит множество купюр и отсебятин, имеющих целью убрать комичные и непривлекательные черты нарисованного автором образа.

дели. <...> Увы, все было напрасно. Однажды вечером, проезжая по улице Друо, я увидел встревоженную толпу, молча толпившуюся вокруг ратуши, и в этом огромном Париже без карет, без огней, я услышал торжественно разносившийся голос Шовена: “Мы занимаем редут Монтрету”. Спустя восемь дней наступил конец.

Теперь Шовен являлся мне лишь изредка. Раза два или три я видел его на бульваре, жестикулирующего, говорящего о реванше – еще одно “р”, чтобы заставить вибрировать души; но никто уже не слушал его. <...>

Потом наступили дни бунта, красное знамя, Коммуна, Париж во власти дикарей. Шовен, попавший в разряд подозрительных, не мог уже покинуть свой дом. <...> До 23 мая (т.е. на третий день после вступления версальцев в Париж. – К.Д.) Шовен не подавал признаков жизни. Укрывшись в глубине подвала, бедняга был в отчаянии, слыша, как французские снаряды свистят над крышами Парижа. Наконец однажды, между двумя канонадами, он рискнул выйти на улицу».

Шовен оказывается между баррикадой коммунаров и отрядом усмирителей-версальцев в самый разгар боя. С возгласом «Да здравствует Франция!» он погибает под выстрелами с обеих сторон, «зажатый между двумя ненавистями». «Так погиб Шовен, жертва нашей гражданской войны. Он был последним французом».

Но и в Третьей республике далеко не все были готовы хоронить Шовена. Уже знакомый нам Йоахим Амбер восклицал, обращаясь к привычному образу покровителя шовинизма:

«Да, храбрый Шовен, ты – народный гений страны, ты хранишь веру, и пока вокруг тебя все полыхает, все рушится, ты стоишь на руинах, чтобы слышен был клич “Да здравствует Франция!” Пусть смеются глупцы, храбрый Шовен, пусть трусы бегут, пусть предатели торжествуют, <...> завтрашний день принадлежит тебе, потому что ты – единственный человек во Франции, имеющий право называть себя представителем народа» («В стране чести», 1879) [7; цит. по: 23, р. 82].

Историк и литературный критик Виктор Фурнель (1829–1894) в 1893 г. говорил о Шовене как вечном типе почти в тех же выражениях, что и Жак Араго в 1845 г.: «...шовен (как имя нарицательное, со строчной. – К.Д.) – слепой, наивный, упрямый патриот, энтузиазм которого одновременно нелеп и трогателен; он

исповедует суеверный культ национального величия с крайней нетерпимостью. Шовен не обязательно солдат, но поклоняется он прежде всего славе нашего оружия. Для него Наполеон никогда не был побежден, его предали». «Его не убили ни пруссаки, ни коммунары, ни анархисты: Шовен претерпел метаморфозы, но он бессмертен» [23, p. 81, 82].

Накануне Первой мировой войны член Французской академии Жюль Кларети изложил еще одну версию смерти Шовена: «...Возвращение белого знамени [Бурбонов] повергло его в состояние крайнего возбуждения. Шовен принес домой старый трехцветный флаг, постелил его как простыню самую что ни есть гроньярскую (*plus grognard que jamais*) и прошептал: “На нем и умру”. Слово свое он сдержал» (*Temps*, 3 января 1913 г.) [цит. по: 46, p. 18–19].

Версия Кларети, надо думать, возникла из упоминавшейся выше песни Беранже «Старое знамя» (1820), и это еще одно свидетельство устойчивой связи между образом Шовена и образом гроньяра эпохи Реставрации. Эта связь вплоть до начала XX в. отчасти проецировалась и на понятие ‘шовинизм’ во французской культуре XIX в.

* * *

За пределами Франции образ Шовена оставался на периферии культурного сознания; это было одной из причин существенных различий в семантике понятия ‘шовинизм’ во Франции и вне ее. В 1859 г. писатель и публицист Николай Мельгунов (1804–1867) дает характеристику Шовена, близкую к той, которую давали сочувственно относившиеся к этому образу французские авторы: «Конечно, и воинская доблесть французов впадает часто в крайности, в смешное, в шовинизм. Шовен – тип, созданный самими французами, как и Прудом¹⁵; это карикатура на воинственные черты нации, как Прудом на буржуазные. Но все-таки в данном случае смешное не уничтожает высокого; воинский же дух французской нации есть одно из ее высоких качеств, нанесшее много

¹⁵ «Г-н Жозеф Прудом», тип самодовольного, ограниченного буржуа, созданный Анри Монье в 1830 г.

вреда, но и способное, при добром направлении, принести много пользы» [2, с. 120].

Позднее обозреватель «Вестника Европы» использует слово ‘шовен’ (со строчной) уже как синоним слова ‘шовинист’ в его современном значении: «этот “патриотизм” особого рода, это самовосхваление, самообольщение и стремление к непризнанию, к подавлению чужого, к насилию, одним словом, тот самый “патриотизм”, которым так желают наши московские и петербургские шовены заразить и русскую общественную мысль» [3, с. 902].

Список литературы

1. *Доде А.* Смерть Шовена (исторический набросок) // Синий журнал. 1915. № 9, 28 фев. С. 15.
2. [Мельгунов Н.А.] Заметки русского в Париже. Статья третья и последняя // Отечественные записки. 1859. Т. 126, № 11. С. 1–32. (6-я паг.). Подпись: Н. М-в. (Н. Ливенский).
3. [Полонский Л.А.] Внутреннее обозрение // Вестник Европы. 1870. Кн. 10. С. 899–918.
4. *Пушмеж Ж. де.* Шовен, солдат-землепашец: эпизод из истории национализма. М.: Языки русской культуры, 1999. 401 с.
5. *Alexandre R.* Le musée de la conversation. Paris: Bouillon, 1892. 446 p.
6. *Alexandre R.* Manuscrit “La Vénus d’Ille” de Prosper Mérimée // Bulletin du bibliophile et du bibliothécaire. Paris, 1898. 15 janvier. P. 15–24.
7. *Ambert J.* Au pays de l’honneur: Souvenirs et récits. Paris: Librairie Saint Paul, 1879. 261 p.
8. *Ambert J.* Lettre à un soldat (juillet 1837) // *Ambert J.* Essais en faveur de l’armée. Paris: Gauthier-Laguionie, 1839. P. 134–148.
9. *Arago E.* République et artistes // Revue républicaine. Paris, 1834. Т. 2. P. 14–29.
10. *Arago J.* Chauvinisme // Dictionnaire de la conversation et de la lecture: Supplément. Paris: Garnier, 1845. Т. 4(16). P. 452–455.
11. *Avenel P.* Chants et chansons. Paris: Librairie moderne, 1889. 414 p.
12. *Bayard J.-F.-A., Dumanoir P.* Les Guêpes, Revue Mêlée De Couplets. Paris: Lacombe, 1840. 13 p.
13. *Béranger P.-J. de.* Œuvres complètes. Paris: H. Fournier, 1839. Т. 2. 344 p.
14. *Bescherelle L.-N.* Dictionnaire national ou Grand Dictionnaire classique de la langue française. Paris: Simon, 1845. Т. 1. 1319, VI p.

15. *Brulart S.-F., comtesse de Genlis*. Adèle et Théodore; ou, Lettres sur l'éducation. Bruxelles: Meline, 1852. 234 p.
16. *Büchmann G.* Geflügelte Worte: Der Literaturschatz des deutschen Volks. Berlin: Haude und Spenser 1866. 231 S.
17. *Cabassol J.* Chanson morale // *La Gouette*: chansonnier de table et de société. Paris: Marchands de nouveautés, 1834. P. 26–29.
18. *Claretie J.* La vie moderne au théâtre. Paris: Barba, 1869. 385 p.
19. *Cogniard T., Cogniard J.-H.* La cocarde tricolore, episode de la guerre d'Alger. Paris: J. Didot, 1831. 64 p.
20. *Daudet A.* La Mort de Chauvin // *Daudet A.* Contes et récits. Paris: F. Polo, 1873. P. 121–126.
21. *Delvau A.* Le fumier d'Ennius. Paris: Faure, 1865. VII, 315 p.
22. Encyclopédie de famille. Paris: Firmin Didot, 1868. T. 4. 468 p.
23. *Fournel V.* Chauvin et les types militaires // *Le livre et l'Image*. Paris: Lahure, 1893. T. 2. P. 81–94.
24. *Francis [Allarde M.-F. de], Brazier N., Dumersan T.* Les moissonneurs de La Beauce; ou, Le soldat laboureur; comédie villageoise en un acte, mêlée de couplets. Paris: Huet, 1821. 38 p.
25. *Francis [Allarde M.-F. de], Théaulon M.-E., Artois A. de.* Les jolis soldats, tableau militaire, civil et vaudeville, imite de Charlet. Paris: Barba, 1826. 39 p.
26. *Guénée A., Potier C.* En avant, marche!: revue de l'année 1857 en trois actes et seize tableaux. La Guerre des saisons, prologue. Paris: Charlieu, 1857. 16 p.
27. *Guerraz P.* Correspondance d'Orient // *Revue britannique*. 1893. T. 6. P. 172–180.
28. *Jal A.* Gaîté et les comiques de Paris // *Nouveau tableau de Paris, au XIXme siècle*. Paris, 1834. T. 12. P. 262–332.
29. *Labarthe G.* Le Théâtre pendant les jours du Siècle et de la Commune. (Juillet 1870 à juin 1871). Paris: Librairie fischbacher, 1910. 143 p.
30. *Larchey L.* Les excentricités du langage. 5 éd. Paris: Dentu, 1855. 335 p.
31. *Larive [Merlette A.-N.], Fleury [Hauvion C.].* Dictionnaire français illustré des mots et des choses. Paris: Chamerot, 1888. T. 1. 1038 p.
32. *Larousse P.* Grand dictionnaire universel du XIXe siècle. Paris, 1872. T. 8, part. 4. 1664 p.
33. *Larousse P.* Nouveau dictionnaire de la langue française. Paris: Larousse et Boyer, 1863. 868 p.
34. *Le pere de Chauvin* // *Archiv für das Studium der neueren Sprachen und Litteraturen*. Braunschweig, 1891. Bd. 86. S. 393–398. Подпись: Un vieux Parisien. (Перепечатка из газ. Figaro, 2 novembre 1882.)

35. Lepeintre ainé // Musée Dantan: Galerie des charges et croquis des celebrities de l'époque. Paris: Delloye, 1839. P. 106–110.
36. Les moeurs. Contes et Nouvelles, par Victor Ducange [Revue] // Nouvelle bibliothèque des romans. 1833 et 1834. Paris, 1834. T. 2. P. 92–94.
37. *Littré E.* Dictionnaire de la langue française. Paris: Hachette, 1863. T. 1, 1er partie. 944 p.
38. *Mensuel E.* Lettres Parisiennes: Revue des premiers mois de 1840 // L'invariable: Nouveau Mémorial Catholique. Paris, 1839. T. 14. P. 384–411.
39. *Millet-Saint-Pierre J.-B.* Coup-d'oeil sur les types sociaux a diverses époques // Revue de Rouen et de Normandie. Rouen 1850. T. 18. P. 97–102.
40. *Monnier M.* La Princesse Danubia // *Monnier M.* Théâtre de marionnettes. Genève: F. Richard, 1871. P. 41–73.
41. *Muret T.* L'histoire par le théâtre 1789–1851. Paris: Amiot, 1865. 2-me série: La Restauration. 390 p.
42. *Nadaud G.* Les Chansons. Paris: Plon, 1870. 587 p.
43. *Noriac J.* La vie en détail: Le 101 e Régiment. Paris: Bourdilliat, 1859. 292 p.
44. Oeuvres poétiques de Chauvin. Trois romans militaires. Paris: Gaultier-Laguionie, 1825. 19 p.
45. Poésies révolutionnaires et contre-révolutionnaires. Paris: Libraire historique, 1821. T. 2. 276 p.
46. *Puymège G. de.* Chauvin, le soldat-laboureur. Contribution à l'étude des nationalismes. Paris: Gallimard, 1993. 294 p.
47. Ce qui s'achète et qui ne se vend pas // Le Revenant. Paris, 1832, No. 217, 6 aout. P. 2–3.
48. *Saint-Léon, Franconi [L.], Franconi A.* Le Chien du Régiment, ou l'Exécution militaire: Mélodrame en un acte. Paris: Pollet, 1825. 32 p.
49. [Voyage à la suite des armées alliées en Turquie, en Valachie et en Crimée, par M. Eugène Jouve. <...> 1854: Revue] // Revue de Paris. Paris, 1855. T. 25, 1er mai. P. 458–460.

References

1. Dode, A. “Smert’ Shovena (istoricheskii nabrosok)” [“Death of Chauvin (historical sketch)”]. *Sinii zhurnal*, 1915, no. 9, 28 fev., p. 15. (In Russ.)
2. [Mel’gunov, N.A.] “Zametki russkogo v Parizhe” [“Notes of a Russian in Paris”]. *Otechestvennyye zapiski*, 1859, vol. 126, no. 11, pp. 1–32. (6th pag.). Signature: N. M-v. (N. Livenskii). (In Russ.)

3. [Polonskii, L.A.] “Vnutrennee obozrenie” [“Internal Review”]. *Vestnik Evropy*, 1870, no. 10, pp. 899–918. (In Russ.)
4. Puymège, G. de. *Chauvin, soldat-zemlepushets: epizod iz istorii natsionalizma*. [Chauvin, Farmer Soldier: an Episode from the History of Nationalism] Moscow, Iazyki russkoi kul'tury Publ., 1999, 401 p. (In Russ.)
5. Alexandre, R. *Le musée de la conversation*. Paris, Bouillon, 1892, 446 p. (In French)
6. Alexandre, R. “Manuscrit ‘La Vénus d’Ille’ de Prosper Mérimée”. *Bulletin du bibliophile et du bibliothécaire*. Paris, 1898. 15 janvier, pp. 15–24. (In French)
7. Ambert, J. *Au pays de l’honneur: Souvenirs et récits*. Paris, Librairie Saint Paul, 1879, 261 p. (In French)
8. Ambert, J. “Lettre à un soldat (juillet 1837)”. Ambert, J. *Essais en faveur de l’armée*. Paris, Gaultier-Laguionie, 1839, pp. 134–148. (In French)
9. Arago, E. “République et artistes”. *Revue républicaine*, 1834, vol. 2, pp. 14–29. (In French)
10. Arago, J. “Chauvinisme”. *Dictionnaire de la conversation et de la lecture: Supplément*. Paris, Garnier, 1845, vol. 4(16), pp. 452–455. (In French)
11. Avenel, P. *Chants et chansons*. Paris, Librairie moderne, 1889, 414 p. (In French)
12. Bayard, J.-F.-A., Dumanoir, P. *Les Guêpes, Revue Mêlée De Couplets*. Paris, Lacombe, 1840, 13 p. (In French)
13. Béranger, P.-J. de. *Œuvres complètes*. Paris, H. Fournier, 1839, vol. 2, 344 p. (In French)
14. Bescherelle, L.-N. *Dictionnaire national ou Grand Dictionnaire classique de la langue française*. Paris, Simon, 1845, vol. 1, 1319, VI p. (In French)
15. Brulart, S.-F., comtesse de Genlis. *Adèle et Théodore; ou, Lettres sur l’éducation*. Bruxelles, Meline, 1852, 234 p. (In French)
16. Büchmann, G. *Geflügelte Worte: Der Literaturschatz des deutschen Volks*. Berlin, Haude und Spenser 1866. 231 S. (In Germ.)
17. Cabassol, J. “Chanson morale”. *La Goguette: chansonnier de table et de société*. Paris, Marchands de nouveautés, 1834, pp. 26–29. (In French)
18. Claretie, J. *La vie moderne au théâtre*. Paris, Barba, 1869, 385 p. (In French)
19. Cogniard, T., Cogniard, J.-H. *La cocarde tricolore, episode de la guerre d’Alger*. Paris, J. Didot, 1831, 64 p. (In French)
20. Daudet, A. “La Mort de Chauvin”. Daudet, A. *Contes et récits*. Paris, F. Polo, 1873, pp. 121–126. (In French)
21. Delvau, A. *Le fumier d’Ennius*. Paris, Faure, 1865, VII, 315 p. (In French)
22. *Encyclopédie de famille*. Paris, Firmin Didot, 1868, Vol. 4, 468 p. (In French)

23. Fournel, V. "Chauvin et les types militaires". *Le livre et l'Image*. Paris, Lahure, 1893, vol. 2, pp. 81–94. (In French)
24. Francis [Allarde, M.-F. de], Brazier, N., Dumersan, T. *Les moissonneurs de La Beauce; ou, Le soldat laboureur; comédie villageoise en un acte, mêlée de couplets*. Paris, Huet, 1821, 38 p. (In French)
25. Francis [Allarde, M.-F. de], Théaulon, M.-E., Artois, A. de. *Les jolis soldats, tableau militaire, civil et vaudeville, imite de Charlet*. Paris, Barba, 1826, 39 p. (In French)
26. Guénée, A., Potier, C. *En avant, marche!: revue de l'année 1857 en trois actes et seize tableaux. La Guerre des saisons, prologue*. Paris, Charliou, 1857, 16 p. (In French)
27. Guerraz, P. "Correspondance d'Orient". *Revue britannique*. 1893, vol. 6, pp. 172–180. (In French)
28. Jal, A. "Gaîté et les comiques de Paris". *Nouveau tableau de Paris, au XIXme siècle*. 1834, vol. 12, pp. 262–332. (In French)
29. Labarthe, G. *Le Théâtre pendant les jours du Siège et de la Commune. (Juillet 1870 à juin 1871)*. Paris, Librairie fischbacher, 1910, 143 p. (In French)
30. Larchey, L. *Les excentricités du langage*. 5 éd. Paris, Dentu, 1855, 335 p. (In French)
31. Larive [Merlette, A.-N.], Fleury [Hauvion C.]. *Dictionnaire français illustré des mots et des choses*. Paris, Chamerot, 1888, vol. 1, 1038 p. (In French)
32. Larousse, P. *Grand dictionnaire universel du XIXe siècle*. Paris, 1872, vol. 8, part. 4. 1664 p. (In French)
33. Larousse, P. *Nouveau dictionnaire de la langue française*. Paris, Larousse et Boyer, 1863, 868 p. (In French)
34. "Le pere de Chauvin". *Archiv für das Studium der neueren Sprachen und Litteraturen*. Braünschweig, 1891. Bd. 86. S. 393–398. Signature: Un vieux Parisien. (Reprint from: "Figaro", 2 novembre 1882.) (In French)
35. "Lepeintre ainé". *Musée Dantan: Galerie des charges et croquis des celebrites de l'epoque*. Paris, Delloye, 1839, pp. 106–110. (In French)
36. "Les moeurs. Contes et Nouvelles, par Victor Ducange [Revue]". *Nouvelle bibliothèque des romans. 1833 et 1834*. Paris, 1834, vol. 2, pp. 92–94. (In French)
37. Littré, E. *Dictionnaire de la langue française*. Paris, Hachette, 1863, vol. 1, 1 part., 944 p. (In French)
38. Mensuel, E. "Lettres Parisiennes: Revue des premiers mois de 1840". *L'invariable: Nouveau Mémorial Catholique*. Paris, 1839, vol. 14, pp. 384–411. (In French)
39. Millet-Saint-Pierre, J.-B. "Coup-d'oeil sur les types sociaux a diverses époques". *Revue de Rouen et de Normandie*. Rouen, 1850, vol. 18, pp. 97–102. (In French)

40. Monnier, M. “La Princesse Danubia”. Monnier M. *Théâtre de marionnettes*. Genève, F. Richard, 1871, pp. 41–73. (In French)
41. Muret, T. *L’histoire par le théâtre 1789–1851*. Paris, Amiot, 1865. 2-me série: La Restauration, 390 p. (In French)
42. Nadaud, G. *Les Chansons*. Paris, Plon, 1870, 587 p. (In French)
43. Noriac, J. *La vie en détail: Le 101 e Régiment*. Paris, Bourdilliat, 1859, 292 p. (In French)
44. *Oeuvres poétiques de Chauvin. Trois romans militaires*. Paris, Gaultier-Laguionie, 1825, 19 p. (In French)
45. *Poésies révolutionnaires et contre-révolutionnaires*. Paris, Libraire historique, 1821, Vol. 2, 276 p. (In French)
46. Puymège, G. de. *Chauvin, le soldat-laboureur. Contribution à l’étude des nationalismes*. Paris, Gallimard, 1993, 294 p. (In French)
47. “Ce qui s’achète et qui ne se vend pas”. *Le Revenant*. 1832, no. 217, 6 aout, pp. 2–3. (In French)
48. Saint-Léon, Franconi, [L.], Franconi, A. *Le Chien du Régiment, ou l’Exécution militaire: Mélodrame en un acte*. Paris, Pollet, 1825, 32 p. (In French)
49. [“Voyage à la suite des armées alliées en Turquie, en Valachie et en Crimée, par M. Eugène Jouve. <...> 1854: Revue”]. *Revue de Paris*. Paris, 1855, vol. 25, 1 er mai, pp. 458–460. (In French)